

Лев Болеславский

*Духовный путь
русской поэзии*

беседы и статьи

Лев Болеславский

Духовный путь русской поэзии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70380358

SelfPub; 2024

Аннотация

В книге собраны статьи и беседы Льва Болеславского о важной теме в русской поэзии, которая вбирает в себя нравственные, этические и эстетические начала. Это молитвенные слова и речи, обращённые к Богу. В них – и вера, и надежда, и любовь... Начинается книга статьёй Нины Гейдэ, поэта и литературного критика, в которой она размышляет о человеческой и творческой миссии Льва Болеславского.

Содержание

«Не жди любви – давай ее!..»	5
«Веленью Божию, о муза, будь послушна!»	19
«По своей и Божьей воле»	40
«Есть Бог – я чувствую это»	49
«Бог и душа»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лев Болеславский

Духовный путь русской поэзии

*По милости Твоей обрёл я зренье, слух,
А с ними – этот лес, и в белой кашке луг,
И без предела степь, и небеса без края!
На краткий век земной – и этот дом, и дол!
По милости Твоей я целый мир обрёл,
По милости Твоей Тебя я обретаю!*

«Не жди любви – давай ее!..»

Лев Болеславский:

О, времени земного встреча
С небесной вечностью! ...Страшась,
Её зовем мы смертный час.
И каждый день – его предтеча.
Чего же больше в нём – прощанья? –
И не сдержат рыданья мне, –

Иль радостного ожиданья
За обещаьем в вышине?!
Но здесь и там, Творец, я буду
В любой из двух твоих отчизн,
Благодарить Тебя за чудо,
Которое Ты дал мне: Жизнь!

Лев Ионович Болеславский – уникальное явление не только в истории российской поэзии, но и в истории российской религиозно-философской мысли, в неразрывном, гармоничном и высоком единстве первого и второго. В России было немало одаренных поэтов и немало религиозных философов, а вот религиозно-философских поэтов, да еще и с ярко выраженной гражданской направленностью – знаем ли мы вообще таких? Вспомним то воинствующее атеистическое время, с лукавым ликом его помпезных и насквозь фальшивых псевдогуманистических лозунгов, в которое выпало жить Льву Болеславскому – и станет в довершающей полноте ясна его неопенимая подвижническая роль в российской культуре и духовности последнего полувека.

Главная человеческая и творческая миссия Льва Болеславского – поэт-проповедник, поэт-просветитель, поэт-миссионер. Опять-таки талантливых проповедников было немало, но очень немногим даёт Господь дар проповедовать Своё учение в поэтическом слове, в рифмах и ритмах высоких религиозных озарений.

Лев Болеславский обладал именно таким даром. Много лет ездил он по разным городам – большей частью по российской глубинке – с поэтическими выступлениями, написал около пятидесяти книг и неисчислимое множество искусствоведческих статей. Нёс людям человеческое тепло, родниковую свежесть высокой поэзии, веру, надежду и любовь.

В декабре 2013 года закончился земной путь поэта Льва Ионовича Болеславского – произошла «встреча с небесной вечностью» – как написал он сам. Упокой, Господи, душу его во Царствии Твоём! А нам Лев Болеславский оставил в утешение и назидание бесценный Дар – очищающее и возвышающее поэтическое слово, осенённое Божественной Благодатью.

В чем ни искал бы благодать,
Я вечных тайн коснусь опять:
В любви и теореме строгой
И в рифмах, льющихся в тетрадь,
И что б ни тщился разгадать,
Везде разгадываю Бога...

Стихи для Льва Болеславского были как молитва, это был ЕГО способ благодарить Господа за дар жизни, за всю щедрость Его, милость и всепрощение. Всю свою жизнь Лев Болеславский растил – совершенствовал – сам себя и свои стихи до молитвы:

Дорастите стихи до молитвы,
Чтобы строки и слёзы мои
Стали связью небес и земли,
А не связью словес для элиты.
Чтоб ответил мне свыше Отец,
И внимал я, раскрывши объятия,
И обрёл я себя, наконец,
Причащённый Его благодати.

Сам Лев Болеславский нередко повторял, что своим главным, программным произведением считает стихотворение-покаяние «Молитва» – наверное, потому, что именно в этом творении во всей проникновенной искренности выразилось его кредо – и как верующего человека, готового смиренно предстать пред Высшим Божественным Судом, и как поэта, осмелившегося обращаться к людям с поэтическим словом – «глаголом жечь сердца людей»:

Приближаюсь к последней черте,
Плачет сердце моё безутешное.
Вот он я, Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй мя грешного!..

Чудо поэзии Льва Болеславского в том, что, молясь в стихах за спасение собственной души, взывая ко Всевышнему

от своего имени, он дарит эту молитву и другим людям, другим сердцам, откликающимся на тот удивительный свет и редчайшую чистоту, которыми пронизаны все поэтические строки Льва Болеславского. Всю свою жизнь поэт получал письма благодарности от читателей. Многих его стихи обратили в Веру, вознесли к светлой вершине бытия, многих спасли от отчаяния. Это ли не высший смысл существования поэта и человека? При этом Лев Ионович был по-христиански скромн, его миновали гордыня и самолюбование. Болеславский не переставал повторять, что и в жизни, и в стихах – он лишь малая частичка Божественного Мироздания:

Я памятник себе не воздвигал.
Я недостоин. Да и не тщеславен.
Я не Гораций, да и не Державин.
Но вера и любовь – мой пьедестал.
Я сочинил от сердца много строк.
Не знаю, что сердца людей задело.
Но лучшее продиктовал мне Бог.
Я записал лишь на бумаге белой.
Забудут обо мне наверняка.
Но если в души западёт немного
Моих стихов иль хоть одна строка –
Пусть вспоминают не меня, а Бога.

В своём творчестве Лев Болеславский продолжал лучшие

гуманистические традиции поэтов-классиков от Пушкина до поэтов Серебряного века. У поэта много талантливых посвящений и обращений к самым разным собратьям по перу: Пушкину, Лермонтову, Тютчеву, Фету, Жуковскому, Алексею Толстому, Пастернаку. Пронзительные строки Лев Болеславский посвятил Михаилу Лермонтову:

Теперь он – ТАМ, где весь с мечтой своей!
А здесь, глядим, оставил нам так мало –
Горсть строк, каких прекрасней и больней
Ты, русская поэзия, не знала...

Не желая, разумеется, заниматься каким-либо сравнением двух столь разных поэтов, да ещё и живших в такие разные времена, всё же невольно отмечаешь про себя: а ведь это именно так – ведь и Лев Болеславский оставил нам, благодарным читателям и будущим потомкам «горсть строк» – и немалую! – каких прекрасней и больней – в пронзительности Веры и переживания за духовную судьбу России – русская поэзия не знала! И узнает ли ещё в обозримом будущем?

А вот строки, посвященные Борису Пастернаку:

Такой заряд любви был вложен Богом,
Что, изумленный, он смотрел на лес,
На рдест, на речку, на туман над логом,
На каждого, как чудо из чудес.

Ему природа женственной казалась, –
Не оттого ль вливалась в каждый стих
Влюбленностью, где пела несказанность,
Которую, как женщину, постиг...

Чуткость восприятия искусства, творчества, лирического естества других поэтов была у Льва Болеславского воистину уникальной. Это была чуткость на грани чуда, ведь он проницал в других поэтах то, чего они даже не всегда касались напрямую словом. Вот и в творчестве Пастернака Болеславский сразу же почувствовал главное: заряд Божественной любви и умение смотреть на каждого из живущих, как на «чудо из чудес», и ещё – возвышенное женственное начало, которым пронизана природа.

С не меньшим даром сопереживания и проникновения обращается Лев Болеславский и к музыкальным шедеврам, созданным гениальными композиторами на протяжении всей музыкальной истории человечества. В музыке он видит безграничное Божественное естество, призванное – как и в поэзии – рождать в людях светлые, возвышающие душу, чувства, служить любви и милосердию. Высокое искусство для Льва Болеславского всегда пребывает в соответствии с высотой Божественной Воли:

Где ива – там, наверно, пруд.

Где буря – вольный буревестник.
Мир полон древних соответствий,
И где-то новые прядут.
Не потому ли вновь легко
Слетает музыка с ладони
И дышит светом и любовью,
И дальше недалеко?

В своих стихах Болеславский как будто перевоплощается
в Баха – одного из самых гениальных религиозных компози-
торов на планете – и говорит с нами от его имени:

Я клялся: ненависть мою
К безличью, серости, измене
Не взрывом черных нот измерю,
А светом жалости сменю.

И говорил, отсеяв сор:
Искусства цель и назначенье
Не гневное разоблаченье,
Не осмеянье, не укор.

А в том, чтоб вечно, всюду, сплошь
Лишь вызывать в душе любого
Глубоко спрятанного Бога,
Как солнце или летний дождь...

Вот оно – кредо истинного искусства в представлении Льва Болеславского. Именно эту миссию и он, как поэт, выполнял всю жизнь:

Свой дар – дар музыки и слова
Я, как отличие, принял снова.
За что такая благодать?
Я думал: это поощренье,
А это было – порученье
И за него мне отвечать.

Да, Лев Болеславский всегда чувствовал ответственность за свой дар, свой поэтический талант. Он понимал, что поэтическая одаренность даётся не каждому. Можно, увы, поставить её на службу лукавым силам мира сего, а можно нести людям посредством поэтического слова любовь и Веру. Именно по этому пути всю жизнь шёл Лев Болеславский.

Любовь – наверное, чаще всего повторяющееся слово в его творчестве. Болеславский – человек и поэт – был, действительно, одарён Божественным Даром любви. Он умел любить, он нёс людям любовь, он пробуждал её в людях, он являл любовь в самых разных лирических образах. И этим поэзия Льва Болеславского уникальна и неповторима!

Да я наивен, я дитя,

я руки к вам простёр, летя!
Меня одна любовь взрастила.
Я беззащитен пред людьми.
Защита вся моя в любви.
Но что пред нею чья то сила?...

И еще – поэт всегда знал, что любовь должна быть действенной и бескорыстной, только тогда это Божественная Любовь:

Не жди любви давай её
Даруй! Не требуя отдачи.
В свет обрати, в поток горячий
Существование своё!

«Горячий поток существования» поэта Льва Болеславского состоял из своего святого триединства – того главного, ради чего он жил и творил:

Перед земным своим итогом
Лелею те из прошлых дней,
Когда по тропам и дорогам
Шёл, осиянный, среди людей
С ЛЮБОВЬЮ, МУЗЫКОЙ и БОГОМ.

И, конечно же, Болеславский – удивительный поэт-фило-

соф, причем философ не изолированно книжный, водящий читателей лабиринтами абстрактных образов, далёких от реальной жизни. Его философскую поэзию можно назвать так: просветлённая простота глубины. Она понятна и доступна всем. Каждый найдёт в ней что-то созвучное для себя, возможно, ответит на какие-то мучившие духовные вопросы, обретёт духовную гармонию, успокоение и благодать:

Жить не затем, чтоб утвердиться,
А чтобы вечно возрождаться
И просветлённо каждый день,
Осознавая, как ни трудно,
Своих поступков смысл подспудный,
Всходить на новую ступень.

Не превращайте жизнь в прощанье
И в старческое причитанье
Пред строгим Промыслом творца.
Она пока не отзвучала, –
Лишь продолжение начала,
А не преддверие конца.

И еще нельзя не отметить одну очень важную особенность поэзии Льва Болеславского – она исповедальна. Он открыт

и беззащитен перед своими читателями и перед Господом, которому он доверяет самые сокровенные свои мысли и чувства. Он не боится предстать в своих стихах несовершенным, грешным, слабым и временно беспомощным.

Но именно в этом его бесстрашие и сила, потому что поэт воспринимает свой земной путь – этапом духовного роста и уникальным шансом самосовершенствования – шансом, который Господь даёт каждому из нас:

То отступая и таясь,
То нарастая, каждый раз,
Когда нам горестно и плохо,
По крохам, по слезе, по вздоху
Идёт преображенье в нас.

К сожалению, земная жизнь конечна, и в этом её печаль. Бывает, промелькнёт в стихах Болеславского грустная нота – ведь ничто человеческое и ему не чуждо:

О Господи, всё меньше мне
Встреч остаётся на Земле,
А расставаний – больше, больше.
И все, почти на рубеже,
Сливаются в одно уже, –
В последнее прощанье, Боже.

Но не таков поэт Лев Болеславский, чтобы долго предаваться грусти. Небольшое облачко печали, набежавшее на бескрайний небосвод солнечной Веры, тут же изгоняется гимном всепобеждающей Божественной Любви и благодарности Богу за всё, что Он посылает людям:

Да святится, о Господи, Имя Твое!
Восклицаю и внемлю чудесной молве,
Не смолкающей в ветре, листве и траве,
В беспорочной, не знающей дна синеве.

Эти звёзды – Твои, эти воды – Твои,
Эти рощи и в рощах Твои соловьи!
Свет восторга, в моей растворенный крови, –
Капля света, Твоей беспредельной любви!

Ты взыскал благодатью моё существо,
Но и боль я приму от Тебя, Божество,
Чтобы взять на себя часть страданий Того,
Кто на Землю пришёл от Отца Своего.

Через светлое в мире Твое бытие
Я со всеми в родстве, я в единой семье
Со звездой, и птицей, и рыбой в ручье...
Да святится, о Господи, Имя Твое!

Высокая поэзия Льва Ионовича Болеславского навсегда пребудет для нас, благодарных читателей, духовным маяком в бурлящем житейском море, той вершиной, к которой всегда будут стремиться наши души.

Нина Гейдэ,
поэт, литературный критик

**«Веленью Божию, о
муза, будь послушна!»**

Александр Сергеевич Пушкин

Помню, как ещё в конце сороковых годов, когда я учился в 7-м классе, отчим привёз из командировки и подарил мне огромный фолиант – сочинения Пушкина! Вот это был подарок! Раскрыв том, я долго любовался замечательным портретом поэта работы художника Тропинина. Под стать ему был портрет кисти Кипренского. Пушкин, его вдохновенный образ – был само совершенство! Поистине – солнце русской поэзии! Ясный, незамутнённый никакими волнениями и тревогами взор! Идеальный облик идеального поэта! И лишь со временем, вчитываясь в строки и строфы, а также знакомясь с пушкинианой, я понял, насколько всё непросто в жизни и искусстве.

Мы меняемся в течение лет, и меняется наше отношение к первоначальным впечатлениям. Это только Господь, Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки тот же, как сказано в Послании апостола Павла к евреям (глава 13 стих 8). Только Он один – совершенство и наш духовный ориентир. Мы же, люди, в том числе и самые гениальные, такие, например, как Александр Сергеевич Пушкин, далеки от совершенства в миру, и проходим – каждый по-своему – свой жизненный путь, земную юдоль... Свой путь прошёл и наш великий поэт, которого мы все называем сегодня родоначальником новой русской литературы, создателем русского литературного языка, величайшим примером гармонического искусства. И – просто любимым поэтом!

Но не всё так просто. Не случайно Федор Достоевский когда-то сказал о сердце, что это поле битвы добра и зла, Бога и дьявола. Кто победит? Эта битва шла в сердце и за сердце Пушкина всю его жизнь. На следующий день после рождения в метрической книге церкви Богоявления в Евлахово появилась такая запись: «Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова у жильца его майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр, крещён июня 8-го дня. Восприемник граф Артемий Иванович Воронцов, кума мать означенного Сергея Пушкина, вдова Ольга Васильевна Пушкина». Благотворное влияние на юного Пушкина оказала бабушка по материнской линии Мария Алексеевна. Ну, и конечно, няня Арина Родионовна.

А с другой стороны, Вольтер, Парни в библиотеке отца, с фривольностями, кощунствами и легкомыслием...

...Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю –
Исполню ли? Бог весть!

Так пишет юный поэт. Бог у него пока что только в идиоматических выражениях, без духовной нагрузки. Хотя уже в лицее день Саши начинается с «Отче наш...» Каждое утро, в шесть часов, его будит дядька Фома: «Вставай, господин Пушкин!» А спать так хочется: «Который час?» – «Шесть.

Пора!» А затем звук лицейского колокола.

А ещё юный поэт знает, каким глубоко верующим человеком был его дед Абрам Ганнибал. Тот при крещении в 14 лет получил имя Петр. А когда вырос и стал семьянином, всех своих одиннадцать детей называл библейскими именами: Иосиф, Исаак, Яков и т.д. Так что маму поэта правильнее называть не Надежда Осиповна, а Надежда Иосифовна! С годами Пушкин будет всё больше и глубже постигать Книгу книг – Библию. Но путь его не раз будет искажён мирской суетой, страстями, нравственными падениями, унынием и одиночеством. Что с того, что он однажды – в стихотворном письме к Вигелю – написал: «Я слишком с Библией знаком». Именно знаком, но ещё не принял в сердце. Ещё в лицее Егор Антонович Энгельгардт, его директор, написал, правда с резким перехлёстом и недопониманием, о своём лицеисте: «Его высшая и конечная цель – блистать и именно посредством поэзии. К этому он сводит всё и с любовью занимается всем, что с этим непосредственно связано. Всё же ему никогда не удаётся дать прочную основу даже своим стихам, так как он боится всяких серьёзных занятий и сам его поэтический дух не сердечный, проникновенный, а совершенно поверхностный французский дух. И всё же это есть лучшее, что можно о нём сказать, если это можно считать хорошим. Его сердце холодно и пусто, чуждо любви и всему религиозному чувству и не испытывает в нём потребности». Нет, в Пушкине Энгельгардт не разобрался, но что-то всё же

заметил...

Не случайно юный поэт Александр Пушкин к выпускному экзамену по российской словесности, к 17 мая 1817 года, написал стихотворение «Безверие». Это размышления о муках безбожника: «Ум ищет божества, а сердце не находит». Да и вообще поэта больше интересуют рифмы и образы:

Ах, ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений.

Эта лёгкость, чтобы не сказать легкомыслие, приводит его позже к «Гаврилиаде» или к кощунственным строкам из «Послания к В.Л. Давыдову»:

Помилуй, братец, – говорит,
Ещё когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит...
Иль кло-д-вужо...

Воистину, в душе Пушкина, особенно в юности, уживались буйство, разгул с умудрённостью, сосредоточенностью, просветлённостью. Борьба за сердце не прекращалась.

Красноречив эпизод из жизни поэта. Ольга, старшая сестра, пришла к нему в гости. Это был конец мая 1828 года.

Увидела его грустного, склонившегося над столом, где лежал листок с новым стихотворением. Прочитав стихи своей сестре, Пушкин сказал: «Хуже горькой полыни напрокудило мне житьё на земле! Нечего сказать, знаменит день рождения, который вчера отпраздновал. Родился в мае – и век буду маяться». При этом он зарыдал. Ольга также не могла удержаться от слёз... Что же это за стихи?

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?

Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

В другом варианте сказано ещё резче:

Растерзал мне душу страстью

И сомнением всколебал.

Чувствуете здесь переключку с горькими восклицаниями из «Книги Иова»? «На что мне страдальцу свет, и жизнь огорчённым душою, которые ждут смерти, и нет её...» Или «нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье». Это всё из 3-й главы. Стихотворение Пушкина было опубликовано в альманахе «Северные цветы» за 1830 год. Прочитав его, митрополит Московский Филарет, используя рифмы и поэтические тропы Пушкина, спорит с ним, находя поддержку в духовной силе 50-го Псалма Давида: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня».

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена...
Сам я своенравной властью
Зло из тёмных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.
Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум –
И соиздается Тобою
Сердце чисто, светел ум!

По мнению Филарета, Пушкин сам во всём виноват: для влияния среды, общества, истории, случайных обстоятельств ничего не оставлено.

Духовная убеждённость Филарета помогла Пушкину многое осознать, покаяться. Поэт признаёт, что речи митрополита поражают его не впервые. С 1826 года Пушкин был свидетелем владыки в Москве, а кроме того, читал его духовные произведения, на одно из них он даже ссылается в примечании к поэме «Полтава». А ещё известно, что Филарет был одним из переводчиков Нового Завета на современный русский язык. В своём ответном стихотворении Пушкин перекликается со 143 Псалмом: «Господи!.. прости с высоты руку Твою, избавь меня и спаси меня...» Вслушайтесь в пушкинские строки!

Стансы

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый

Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слёз неожиданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных сует.
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

Есть ещё один вариант концовки этого стихотворения:

Твоим огнём душа согрета,
Отвергла мрак земных сует, –
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.

Правда, трудно представить себе митрополита с арфой...
Грустные мысли и прежде не раз посещали поэта. И так

трудно было их преодолеть, ещё не придя к Богу... Только разумом зная Книгу, но сердцем не приняв её.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты...
И дальше:
Живу печальный, одинокий,
И жду, придет ли мне конец?

И это пишет 22-летний юноша. Как сказал бы Маяковский: «Иду красивый, 22-летний!»

Битва, которая идёт за сердце человеческое, никогда не кончается. Это мировая война, в которой нет передышки, нет перемирия ни на день, ни на час. И нет ничейной полосы. С одной стороны дьявол, коварство, соблазн, страхи, разочарование, грех, а с другой – Господь и спасение. В стихотворении «Воспоминание» Пушкин близок к раскаянию:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Труд души продолжается. Победа над собой сменяется

поражением, и наоборот. Воля Божья и воля человеческая нередко не гармонируют. Тоска внезапно переплавляется в светлую устремлённость. Помогает природа. Возвращаясь из Закавказья, Пушкин записал: «Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище: белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озарённый лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками». Так родилось прекрасное стихотворение:

Высоко над семьёю гор
Казбек, твой царственный шатёр
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит чуть видный над горами.
Далёкий, вожденный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине;
Туда б, в заоблачную келью;
В соседство Бога скрыться мне...

Это уже 1829 год. Поэту 30 лет. Но ещё раньше родилась в его душе строка, ставшая знаменитой: «Духовной жаждою томим». Перед ней вариантом звучало: «Великой скорбию томим». Нам внятна эта скорбь, эта духовная жажда человека, ищущего Бога. Я помню, в школе учительница объясняла

нам, семиклассникам, что здесь говорится о роли поэта и поэзии, что поэт должен быть трибуном, борцом с несправедливостью, с угнетением. Но – ни слова о духовной жажде, о желании человека слить свою волю с волей Божьей и об провозглашении этой Воли! Потом со временем, я нашел первоисточник – 6-ю главу в книге Исаяи. Но в не меньшей степени Пушкинский «Пророк» соотносится и с книгой Иеремии («Я сделаю слова Мои в устах твоих огнём, а этот народ – дровами, и этот огонь пожрёт их» – Иер.5:14) Интересно, что под стихотворением стоит дата 8 сентября 1826 год – это день судьбоносной для поэта встречи с царём, когда Пушкин был призван к новой жизни, а его мысль и поэзия, казалось, стали свободными. А ещё, видно, Пушкин отталкивается и от книги Иезекииля. По словам А. Смирновой, поэт рассказывал ей о том, как в Святогорском монастыре увидел на столе раскрытую Библию. Взглянул на страницу – это был Иезекииль. Он прочёл отрывок, который перефразировал в «Пророке».

«Он меня внезапно поразил, – признавался Пушкин, – он меня преследовал несколько дней и раз ночью я встал и написал стихотворение». Обратите внимание, книге Иезекииля близок ритмический строй «Пророка», стиль, опирающийся на повтор союза «и», впрочем, характерный для многих стихов Библии.

Духовной жаждою томим,

В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами лёгкими, как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон.
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнишь волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Я, правда, не хотел бы, чтоб моё сердце заменили углём, даже пылающим. Именно в трепетное человеческое сердце хочет войти Христос. «Се, стою у двери и стучу», – говорит Он. Но таковы образы Пушкина, стоящие на ветхозаветном материале. Образ поэта-пророка нашёл своё продолжение и у Лермонтова. Но это уже другой пророк:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья,
В меня ж все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Поэты во все времена перекликаются, ведут спор между собой, ищут истину, и я думаю, что каждый из них прав по-своему. «В поэзии всегда война, – говорил поэт Осип Мандельштам, – и только в эпоху общественного идиотизма в ней наступает перемирие».

У Тютчева, наоборот, поэзия – не глагол, жгущий сердца людей, а примирительный елей.

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,

В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес, слетает к нам, –
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре –
И на бушующее море
Льёт примирительный елей.

Кто прав? Оба! И Пушкин, и Тютчев.

Для Пушкина был важен именно тот поэт, который лежал, как труп в пустыне, но воскрес для новой жизни, нового слова. Как это напоминает притчу о зерне, слова Иисуса: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно: а если умрёт, то принесет много плода!» И дальше – так много объясняющее и в нашем великом поэте: «Любящий душу свою погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную» (Иоанн, глава 12).

И ещё «Пророк» перекликается своеобразно с «Апокалипсисом». Там – суд надо всем народом, погрязшем в грехе, а у Пушкина – над одним человеком: «И он к устам моим приник...» и т.д.

В первых произведениях Пушкина особенно много языческих образов, я бы сказал, чисто условных, пиитических, декоративных образов, и древнерусских и греческих и римских мифологических. Это скорее орнамент, создающий особую лирическую ауру, мелодику, соблюдающую тради-

цию Ломоносова, Державина, Жуковского и других учителей русской литературы. Но дальше у нашего поэта идёт смешение с образами Библии. И, наконец, язычество сходит на «нет» и остаётся только в русле поэтического привычного, ритуального. Даже в знаменитой строке из позднего стихотворения «Памятник» в последней строфе читаем: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...» Муза здесь уже не из греческой мифологии, а просто синоним Поэзии. Важнее в «Памятнике» другое: «Веленью Божию...» Ведь в начале у Пушкина было: «Призванью своему, о муза, будь послушна», а ещё и «Святому, жребию, о муза, будь послушна...» К этому велению Божию Александр Сергеевич Пушкин шёл всю жизнь.

А были и так называемые «уроки чистого атеизма», о которых он писал в перехваченном цензурой письме. У кого же он брал эти уроки? У некоего англичанина, «глухого философа», доктора Хатчинсона, домашнего врача графа Воронцова и его семьи. Интересно то, что со временем и сам этот учитель атеизма уверовал в Иисуса Христа! Воистину, для каждого – свой час и срок!

А Пушкин из Михайловского – из этой самой ссылки, куда он попал за «уроки чистого атеизма», пишет брату: «Отправь с Михайлом книги, о которых упоминаю в письме с сестрой. Библию, Библию!» В другом письме: «Библия для христианин то же, что история для народа». По свидетельству А.О. Смирновой, Пушкин предпочитал славянскую

Библию, ибо «передавать этот удивительный текст пошлым современным языком – это кощунство даже относительно эстетики».

Постепенно Библия становится главной Книгой для поэта!

Но поэт то, казалось, нащупывает верную дорогу, то теряется из виду духовный путь и посреди друзей, знакомых, возлюбленных, любящих и почитающих чувствует приступы одиночества. Он всё время, в разъездах, нигде не может оставаться подолгу. В его лирике одним из главных мотивов становится мотив дороги (но ещё не пути!) При этом его дорожные впечатления и мысли пронизаны чувством грусти и тревоги. Да, Пушкин, на распутье, душевный неуют угнетает его. Нет пока истинной веры, обретения Бога, и поэтому литературные занятия и светские веселия нередко накрываются, как волнами, тоской и она на дорогах его странствий никак не хочет оставить поэта. И тогда Пушкин пытается найти выход из тоски в женитьбе. Многим он делает предложения руки и сердца, хотя сердца в этом мало. В 1828 году в Петербурге делает предложение А.А. Олениной. Отказ. Тогда Пушкин писал Вяземскому: «Я пустился в свет, потому что бесприютен».

Это каламбур. Приютино – название имения Олениных. Остаётся только шутить. Сватается к дальней родственнице Софье. И опять неудача. Так продолжается вплоть до встречи в декабре 1828 года в Москве на балу со своей будущей

женой Натальей Гончаровой! Она стала для поэта Мадонной:

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Как знать, может быть красота земная и гармония этой прекрасной женщины; а главное истинная любовь к ней помогли Пушкину открыть и неземную красоту, ощутить мир, как Божье творение, и в себе самом открыть Бога! Но ведь он шёл к этому открытию всю жизнь, ошибаясь, падая, обретая и теряя вновь и снова обретая! Не случайны строки, посвящённые красавице Наталье:

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей!

Обратите внимание на эти строки: всё выше мира и страстей! Наконец-то! В конце концов, не всё так однозначно. На протяжении всей жизни Святое Писание входило в душу поэта и постепенно, проводя в ней работу, преображало её.

И вот подтверждение – в словах, высказывания самого поэта. Однажды Фёдор Глинка, придя к своему собрату по перу в гости, увидел его с Евангелием в руках. «Вот единственная книга в мире, в ней всё есть», – сказал Пушкин. Затем про-

должил: «Религия создала искусство и литературу – всё, что было великого с самой глубокой древности, – всё находится в зависимости от религиозного чувства. Без него не было бы ни философии, ни поэзии, ни нравственности». В рукописях великого поэта мы находим и такую запись: «Не допускать существования Бога – значит быть ещё более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге». А ещё он написал о Библии: «Если мы просвещённые миром или удручённые унынием, случайно откроем её, то уже не в силах противится её сладостному увлечению и погружаемся духом в её божественное красноречие».

Пушкин намеревался перевести на русский язык Книгу Иова. Вот отрывок из письма Киреевского к Языкову: «Пушкин был 2 недели в Москве и третьего дня уехал. Он учится по-еврейски, с намерением переводить Иова...» (1832 год). Александр Сергеевич как-то сказал Плетнёву: «Разве ты не знаешь, что последние два года я кроме Евангелия ничего не читал?» Красноречивое признание! А в 1827 году он составил список драматических замыслов. Среди намеченных десяти есть драма «Иисус»! Как жаль, что он не успел. Как прекрасны слова Марины Цветаевой: «Ведь Пушкина убили, потому что своей смертью он никогда бы не умер, жил бы вечно» (Из письма 1931 года). «Хочу умереть христианином» – прошептал поэт перед смертью.

При жизни его не была опубликована «Молитва», стихотворное переложение известной молитвы Ефрема Сирина

«Господи Владыко живота моего...» А в советское время, если и печаталась, то заглавие везде снималось: атеистический режим не терпел слова «молитва». Вслушайтесь в эти высокие строки:

Молитва

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем взлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви,
И целомудрия мне в сердце оживи.

Обратите внимание на последнюю строку и слово «оживи». Его нет в молитве Ефрема Сирина. Есть просьба: даруй,

дай! А поэт уверен, что Бог, Творец дал всё, это – и смирение, и терпение, и любовь изначально человеку. Ведь человек – образ и подобие Божие. Надо лишь оживить этот Божий дар в себе! И поэт всю жизнь свою стремился оживить в себе этот высший дар, который превыше таланта сочинять, рифмовать, петь. И – оживил! И битва за сердце великого поэта завершилась победой Господа! Справедливы слова Василия Андреевича Жуковского: «*Как Пушкин созрел и как развилось его религиозное чувство! Он несравненно более верующий, чем я*».

Да, всё было в нашем любимом поэте: «и Божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь!» А если сказать прозой: и склонность к трагическому мироощущению, и религиозное восприятие красоты и творчества, и стремление к тайной, скрытой от людей духовной умудрённости...

И везде – свет! Свет, осиливающий, побеждающий тьму!

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

«По своей и Божьей воле»

Михайло Ломоносов

Когда я думаю о Ломоносове, в памяти возникают, прежде всего, не его, Михайла Васильевича, стихи, а строки о нём другого великого поэта – Некрасова:

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Здесь сказано, я думаю, главное: «по своей и Божьей воле». Именно это благословенное соединение, вернее – следование человеческой воли воле Господней дало такие плоды, такую уникальность русского гения. Такой широты взглядов, такой энциклопедичности не знала русская земля, по-моему, ни до, ни после Ломоносова. Великий русский учёный, мыслитель, один из основоположников современного естествознания, поэт, заложивший основы современного русского литературного языка, художник, историк. По инициативе Михайла Васильевича основан Московский университет. Основал первую в России химическую лабораторию, заложил основы физической химии. Исследовал атмосферное электричество и силу тяжести. Выдвинул учение о цвете. Создал ряд оптических приборов. Открыл атмосферу на планете Венера. Описал строение Земли, объяснил происхождение многих полезных ископаемых и минералов. Опубли-

ковал руководство по металлургии.

Ну, а что касается конкретно русской поэзии, то и здесь Ломоносов во многом первооткрыватель! Он, вместе с Тредьяковским, – один из основоположников силлабо-тонического стихосложения. Он – создатель русской оды, вложил в неё глубокое духовное, религиозное содержание. А сколько принадлежит его перу поэтических посланий, трагедий, сатир, фундаментальных филологических трудов. Он – автор научной грамматики русского языка.

И это всё один человек! Который прожил всего 54 года! Человек не из какой-то профессорской, просвещённой столичной семьи. Родившийся далеко от столиц – Петербурга и Москвы, как говорится, в северной глубинке. Сын простого помора. И вот этот простой парень 19-ти лет уходит из своей деревни Денисовка, что в Архангельской губернии, уходит, чтобы учиться в Москве. Его воля побеждает. Учёба в Славяно-греко-латинской академии, в Киевской духовной академии, затем в университете при Петербургской академии наук приносит свои богатые плоды. Но и этого мало! В 1736-1741 годах Михайло Васильевич находится за границей, где изучает естественные и технические науки.

В 1741 году возвращается в Петербург. Назначается адъюнктом физического класса, в 1745 – профессором химии Петербургской академии наук. А увлекается многим... Здесь и физика, и химия, и география, и геология, и история, и экономика, и филология. Совершает буквально во всём вы-

дающиеся открытия! Словно Господь, главный Творец, раскрывает, по своей, по Божьей воле, Свои великие тайны тому, кто живёт и творит с верой и любовью! Отвечает воле Ломоносова!

Не случайно и великая русская поэзия – поэзия духовная открывается стихами Михайла Васильевича Ломоносова. Эти стихи могут стать эпиграфом ко всей русской словесности:

Устами движет Бог. Я с Ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзу.
Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь, не сведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечёт меня охота
И облаком нестись, презрев земную низкость.

Правда, кто-то из литературоведов, знатоков может сказать, что мол, это не чисто оригинальные стихи Ломоносова, а переводные. И добавят: это перевод начальных строк монолога Пифагора из книги «Превращения» или «Метаморфозы» римского поэта Публия Овидия Назона, жившего ещё до нашей эры и умершего в начале I века от Рождества Христова.

Но в том-то и состоит гений переводчика, точнее, поэта-переводчика, что он делает стихи фактом русской поэзии, и осовременивая их, и привнося своё неповторимо-на-

циональное. Так, к примеру, великий русский баснописец И. А. Крылов сделал фактом русской поэзии многие басни француза Лафонтена. И как свежо, по-русски звучат эти басни, – мы и не вспоминаем Лафонтена!

Великолепны оды Михайла Ломоносова, его излюбленный жанр. Можно понять, почему. Величие и укрепление государства вызвало величественные образы и жанры. Отсюда в творчестве поэта мы встречаем образ Бога Отца, Зиждителя Неба и Земли, Творца, и ещё не встретим мы в стихах Ломоносова образа страдающего Иисуса. Это будет потом, у других поэтов, начиная с позднего Гавриила Державина, и по мере развития истории и гражданства – особенно у поэтов демократического направления в 19-м веке: у Некрасова, Надсона, Кольцова, Никитина и многих других.

А пока – оды Ломоносова, сосредоточенные на величественном:

Уже прекрасное светило
Простёрло блеск свой по земли
И Божии дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам
Представь, каков Зиждитель сам!

Завершается ода прекрасными строками:

Творец! Покрытому мне тьмою
Прости премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, бессмертный Царь.

Это из стихотворения «Утреннее размышление о Божием величестве». Сравните с «Одой на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1747 года»:

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!

Михаил Васильевич Ломоносов одним из первых в нашей литературе обратился к переложению псалмов на язык поэзии. Это 1-й, 14-й, 26-й, 34-й, 70-й, 103-й, 143-й, 145-й. Интересно, что с Ломоносовым соревнуются Тредиаковский и Сумароков в переложении одного псалма – 143-го. И у каждого свои достоинства. Но главное, что стихи идут от сердца, от души, наполненной верой и любовью. Думаю, в псалме Давида Михаила Васильевича Ломоносова не могли не привлечь слова: «Боже, новую песнь воспою Тебе, на десятиструнной псалтири воспою Тебе». И Ломоносов перевёл так, словно он написал. А по сути, воспел хвалу Господу сам!

Но я, о Боже, возглашу
Тебе песнь нову повсечасно;
Я в десять струн Тебе согласно
Псалмы и песни приношу.
Тебе, Спасителю царей,
Что крепостью меня прославил,
От лютого меча избавил,
Что враг вознёс рукой своей.
Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти,
Их речь полна тщеты, напасти,
Рука их в нас наводит лук.

В переложении другого псалма Ломоносов восклицает:

Да хвалит дух мой и язык
Всесильного Творца державу,
Великолепие и славу,
О Боже мой, коль Ты велик!
Овеян чудной красотой,
Зарёй божественного света,
Ты звёзды распростёр без счета
Шатру подобно над Тобой.

Это из 103 псалма. Сравните со знаменитыми оригиналь-

ными строками самого Ломоносова из его «Вечернего размышления...»:

Открылась бездна звёзд полна.
Звездам числа нет, бездне – дна.

Так я вижу мировую эстафету духовной поэзии, поэзии всех миров и народов. Чудесную переключку верующих сердец, любящих Господа!

Хвалу Всевышнему Владыке
Потщися, дух мой, воссылать.
Я буду петь в гремящем лике
О Нем, пока могу дышать.

Да, некоторые слова сегодня звучат не так, как тогда, но смысл не меняется. Он понятен каждой верующей душе, и не только понятен и внятен, но и трогает, волнует, вдохновляет и преисполняет благодарностью к поэту, певшему славу Господу столько веков назад.

Замечательно написал другой замечательный поэт Ф.И. Тютчев в стихотворении «Памяти Ломоносова»:

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но Бог недаром в нём сказался –

Бог верен избранным Своим...

И мы повторяем вслед за Михайлом Васильевичем Ломоносовым: «Устами движет Бог. Я с Ним начну вещать!»

«Есть Бог – я чувствую это»

Гавриил Романович Державин

Русская литература родилась вместе с письменностью, а письменность пришла на Русь вместе с Книгой Книг – Библией. В Житии славянского первоучителя Мефодия сообщается, что с помощью двух «скорописцев» он всего лишь за полгода перевёл с греческого языка на славянский все книги Ветхого Завета, за исключением книг Маккавейских и Псалтири, ранее переведённой Кириллом. Так как согласно тому же источнику Новый Завет также был уже переведён, то если верить этому сообщению Жития Мефодия, за столетие до принятия Русью христианства уже существовал полный славянский перевод Библии. Правда, затем он был утрачен. Исследователи утверждают, что первая полная церковно-славянская Библия появилась только в 1499 году в Новгороде. Она стала самой цитируемой книгой в древнерусской литературе. Но задолго до этого времени существовала обширная литература, наполненная короткими цитатами из Библии.

Популярней других библейских книг была Псалтырь. Об этом свидетельствует князь Владимир Мономах, который рассказывает в «Поучении» своим сыновьям, как однажды, находясь в трудном положении, он искал внутреннего успокоения и утешения и обрёл их: «Вземь Псалтырю, в печали разгнух я, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе, вскую смущающе ми? И прочая». Это «и прочая» даёт понять, что Мономах предполагает, что его читатель также знает даль-

нейший текст цитируемого здесь 41-го псалма. Приведённые слова из псалма, верно, были особенно дороги князю, поэтому он ставит их во главе маленького собрания изречений, в которое он превращает с этого места своё «Поучение». К слову, через десятилетия композитор Бортнянский напишет на этот псалом замечательное песнопение.

Библия с годами стала главной книгой русской литературы: по ней ребёнок учился не только грамоте, но – что важнее всего – христианским истинам и нормам жизни, началам нравственности.

Русская поэзия, начавшая свою великую жизнь в давние времена, не просто впустила в себя, как высшую гармонию, Библию, где разделы стали потом называться стихами, а стала основой духовной и душевной. Сергей Кубасов из 17 века, считавшийся первым в русской истории поэтом, затем Михайло Ломоносов, Александр Сумароков, Василий Тредиаковский, который, кстати первый сформулировал принципы русского силлабо-тонического стихосложения, ввёл новые стихотворные жанры, – вот первая гвардия русских поэтов. Наряду со светскими произведениями они создавали переложения псалмов. Известны Ломоносовские переложения псалмов. Больше всего, упомянутые выше поэты соревновались в переложении 143-го псалма. Михайло Васильевич Ломоносов также написал целую Оду, как он сам назвал «Оду, выбранную из Книги Иова», основываясь на главах 38-й, 39-й, 40-й и 41-й.

В стихах великого русского поэта, учёного и общественного деятеля мы встречаем только образ Бога-Отца, конечно, единого в трёх лицах, но о Боге-Сыне, о Христе – пока нет упоминания.

Когда на смену одному великому русскому поэту приходит другой – Гавриил Романович Державин, его воистину державные стихи тоже вдохновлены образом Бога-Отца:

Восстал Всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их:
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Величайшее стихотворение Державина – и, прибавлю, всей русской поэзии, – ода «Бог» говорит о Творце Вселенной, о Боге-Отце, безусловно, о Троиедином Боге: «Без лиц, в трёх лицах Божества!» Но отдельно о Христе, о Боге-Сыне – ни слова пока.

Твоё созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Моё бессмертно бытиё;

Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! – в бессмертие Твоё.

То же и в стихотворении «Помощь Божия»:

Я помощь сильную приемлю
От Сотворившего всю землю
И в небе звёзды без числа.

Нигде в оде «Бог», ни в других ещё нет того, что сказал апостол Иоанн: «Бог есть любовь».

Но вот в 1814 году Державин пишет свою гениальную оду «Христос», к сожалению, сегодня менее известную, чем ода «Бог». Эпиграфом к ней поэт поставил слова из Евангелия от Иоанна: «Никтоже придет к Отцу, токмо мною» (14:6). И наконец мы читаем: «Христос весь благодать, весь любовь». Главное – произнесено! Не отсюда ли русская литература становится святой, как её через сто лет назовёт писатель Томас Манн!

Кто Ты? – и как изобразить
Твоё величье и ничтожность,
Нетленье с тленьем согласить,
Слить с невозможностью возможность?
Ты – Бог, но Ты страдал от мук!

Ты Человек – но чужд был мести!
Ты смертен – но истнил скиптр смерти!
Ты вечен – но Твой издше дух!

Слово любовь повторяется не один раз: «Премудрость, сила и любовь, Бог Дух в трёх светах Свет ввек живой». А вот ещё:

Адам бы падши не восстал,
Когда б в Христе не воскресился,
Не воскресясь – не воссиял,
Не воссияв – не возродился
В блаженство первородство вновь.
Се, как смирением, терпеньем,
Страданьем, скорбью, умерщвленьем
Возводит всех к Себе Любовь!

Христос «всем подал ясные примеры, как силой доблести и веры всходить возможно к небесам!» И ещё: «Был выше всех, – учил быть низшим, любить врагов, и сердцем чистым молил за них лишь Божий Сын». Не отсюда ли та самая Христова эстафета в русской литературе, которую подхватит Достоевский, а в XX веке – Борис Пастернак в «Евангельском цикле», завершающем роман «Доктор Живаго»!

Вот Державин:

Изобразилось естество,
Незримое всезримым стало
И в человеке Божество,
Как солнце в море воссияло!

А вот Пастернак в стихотворении «Гефсиманский сад»:

Он отказался без противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь как смертные, как мы.

И – завершение:

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного её величия
Я в добровольных муках в гроб сойду.
Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

И снова неслучайно возвращаюсь к державинской оде
«Христос»:

Услышь меня, о Бог любви!

Отец щедрот и милосердья!

И создаётся ощущение, что русская поэзия пишет одну
нескончаемую великую оду во славу Господа!

«Бог и душа»

Василий Андреевич Жуковский

Когда мы знакомимся с биографией известного человека (впрочем, и неизвестного), нам предстаёт только внешняя сторона его жизни. Рождение, детство, учёба, работа и так далее до последней даты. А потом видим между датами рождения и смерти короткую чёрточку. Но в этой прямой чёрточке столько незримых кривых линий, столько взлётов и падений, а главное – жизнь души. Что мы про неё, душу, знаем? Проще всего в нескольких предложениях изложить внешнюю сторону великого русского поэта Василия Андреевича Жуковского, но, прежде всего, великого душою человека.

Итак, он родился в 1783 году в селе Мишенское Белёвского уезда Тульской губернии. Был сыном зажиточного помещика Бунина и пленной турчанки Сальхи. Фамилию получил от крёстного отца, бедного дворянина Андрея Жуковского. Учился в частном пансионе в Туле, затем в благородном пансионе при Московском Университете. Потом там будет учиться другой великий поэт – Лермонтов. В годы учёбы Жуковский писал преимущественно оды, а также занимался переводами. В 1812 году, когда началась война с Наполеоном, вступил в ополчение, был свидетелем Бородинской битвы. С 1815 года – придворная служба. В 1826 году удостоивается высокой чести – становится наставником наследника престола. Но творчество не угасает: элегии, песни, баллады, затем большие эпические жанры: поэмы, повести в

стихах, многочисленные переводы. В 1839 году Жуковский выходит в отставку, в 1841 году уезжает за границу. Живёт в Дюссельдорфе, Баден-Бадене, переводит «Илиаду» и «Одиссею». Умер в 1852 году в Баден-Бадене, прах перевезён в Петербург и погребён на кладбище Александро-Невской лавры.

Вот она, внешняя сторона жизни, и, верно, ничего особенно примечательного в ней нет – в сравнении с богатыми биографиями героев, путешественников, полководцев, открывателей новых земель. Но Жуковский открыл такую прекрасную романтическую землю русской поэзии, исполненную любовью, нежностью, верой в Проведение, что многие пышные биографии, выражаясь современным молодёжным сленгом – «отдыхают».

Но, прежде всего, следует говорить об уникальной душе этого человека, о её необыкновенной широте, доброте, отзывчивости. В русской литературе я не знаю другого, кто столько бы и стольким помог. Да и в мировом искусстве из подобных личностей я бы выделил лишь композитора Ференца Листа да Антонио Сальери (последний, к слову, бесплатно обучал молодых и совсем юных Бетховена, Шуберта, Листа). Так вот, о Василии Андреевиче Жуковском. Глубоко верующий человек, он часто шептал Божию молитву, даже перелагал в стихотворные строки:

Везде молитва началась:

Небесный Царь, услыши нас;
Твоё владычество приди,
Нас в искушение не введи,
На путь спасения наставь
И от лукавого избавь.

И, верно, ему особенно близка была молитва «Наставление Христа»: «Возлюби ближнего, как самого себя». Порою мне кажется, что Жуковский часто забывал о себе, весь устремлённый к другому – помочь ему, спасти...

Кто не знает великого Кобзаря – украинского поэта и художника Тараса Григорьевича Шевченко! Гениальный юноша приехал в Петербург, но был крепостным. Как же дать ему свободу? И тогда Василий Андреевич Жуковский, предварительно узнав цену от помещика Энгельгарта, попросил художника Карла Брюллова написать его, Жуковского, портрет для императорской фамилии с целью разыграть портрет в лотерею в царском семействе. Портрет был написан. Так в 1838 году была куплена свобода 18-летнего Тараса Шевченко за 2 500 рублей.

Василий Андреевич ещё в 1801 году в стихотворении «Герой» не случайно написал:

Герою тот лишь назовётся,
Кто добродетель красну чтит...

и дальше в следующей строфе:

Кто сирым – нежный покровитель,
Кто слёз поток спешит стереть
Благодеяния струями.
Кто любит ближних, как себя,
Кто благ в деяньях, непорочен,
Кого и враг возмог бы чтить, –
Единым словом; кто душою
Так чист и светл, как Божество.

А сколько можно рассказывать, радуясь, о Жуковском и Пушкине! Василий Андреевич относился к своему младшему другу, как к родному, и часто помогал ему, а то и остерегал от необдуманных поступков, участвовал в его судьбе... Это Жуковским первым сказал о юном поэте: «Вот надежда нашей словесности». Жуковский вводит Пушкина в литературные круги, поддерживает его поэтические опыты и в связи с завершением Пушкиным поэмы «Руслан и Людмила» дарит ему 26 марта 1820 года свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побеждённого учителя». Вот у кого никогда не было зависти, этого распространённого порока среди людей искусства.

Пушкин, со своей стороны, высоко ценит старшего друга как поэта и редкой душевной чистоты человека. Ещё в лицее он посвящает Жуковскому послание «Благослови, по-

эт!», «К портрету Жуковского»:

Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнёт о славе младость,
Утешится безмолвная печаль,
И резвая задумается радость.

В годы Пушкина в Михайловском между ним и Жуковским поддерживается длительная переписка. И здесь Василий Андреевич спешит помочь своему другу. Он становится посредником в конфликте Пушкина со своим отцом. А ещё Пушкин через Жуковского выясняет свои взаимоотношения с новым царём. Василий Андреевич хлопочет об освобождении Пушкина из ссылки. Жуковский помощник и советчик Пушкина в его литературных и личных делах. Он участвует в редактировании «Бориса Годунова», хлопочет о разрешении на издание этой трагедии великого поэта.

В последние годы жизни Пушкина Жуковский проявляет к нему почти отеческую любовь и заботу, и Пушкин относился к Жуковскому с полным доверием. Василий Андреевич улаживает конфликт Пушкина с царём и Бенкендорфом, вызванный желанием поэта выйти в отставку – летом 1834 года и уехать в Михайловское или в Болдино для творческой работы.

В 1836 году Жуковский с друзьями предотвращает

первую дуэль Пушкина с Дантесом.

Наконец, в числе близких Пушкину лиц Жуковский не покидает квартиры умирающего поэта, а после его смерти прилагает все усилия для его «реабилитации» в глазах власти. А ещё он добивается пенсии для вдовы и детей поэта, разрешения на продолжение «Современника» и издание сочинений Пушкина, становится одним из опекунов над его семьёй и имуществом. Участие Василия Андреевича в разборе бумаг покойного поэта помогло сохранить его литературное наследие, несмотря на намерение царя предать огню все, так сказать, предосудительные произведения поэта.

Сколько ещё добрых дел на счету этого человека, истинного христианина-поэта, возлюбившего ближнего, как самого себя... Добивался и добился облегчения участи декабристов, хоть сам не разделял их взглядов (вспомните Христово: «Молитесь за врагов своих!»). Вызволил из ссылки Герцена, из солдатчины – Боратынского.

«Мир существует только для души человеческой, – когда-то написал Василий Жуковский, – Бог и душа – вот два существа; всё прочее – печатное объявление, приклеенное на минутку».

Почувствовал Жуковский и глубокую, гениальную натуру Лермонтова. И, конечно, где мог, помогал ему. Высоко оценив «На смерть поэта» – в первом варианте, – Жуковский читал эти стихи Лермонтова наследнику престола. А потом принял живое участие в судьбе их автора. Не без со-

действия Василия Андреевича, автора оды-поэмы «Певец во стане русских воинов», было напечатано в журнале «Современник» «Бородино» Лермонтова. При участии Жуковского публиковалась и «Песня про купца Калашникова» (личное знакомство Василия Андреевича Жуковского с министром народного просвещения Уваровым помогло преодолеть цензурные трудности). Во время путешествия по России с наследником Жуковский хлопотал перед Бенкендорфом и Николаем I о смягчении участи Лермонтова, что способствовало возвращению поэта из ссылки. Принимал участие в хлопотах в связи со второй ссылкой Лермонтова на Кавказ.

Первая широкая публикация великого русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева тоже произошла не без участия Василия Андреевича Жуковского, пришедшего в восторг от поэтического открытия. Стихи были переданы Пушкину и вскоре напечатаны в его журнале «Современник».

Кто-то, возможно, подумает, узнавая о столь кипучей деятельности Жуковского по оказанию помощи то одному, то другому, что у него самого было всё ладно, благополучно и ни о чём таком личном не надо было беспокоиться, переживать, мучиться. К тому же карьера была удачной: вон даже воспитывал наследника престола, будущего царя Российского!.. Но вчитайтесь в романтические, нередко не просто сентиментальные строки его стихотворений, а исполненные глубокой грусти, печали. Да, новое романтическое направление поэтической деятельности Василия Андреевича во мно-

гом зависело от особых, чисто личных обстоятельств, многолетней драмы, сердечной раны... То, что казалось читателю просто романтикой, имело реальную причину, основу. Это то, что было названо «сердечной катастрофой».

Ещё в 1805 году, у 22-летнего Василия Жуковского начались педагогические занятия с его племянницами – Протасовыми. Марии и Александре было 10 и 12 лет. Преподавание вскоре приняло «поэтический характер»: поэт-учитель страстно полюбил старшую – Машу. (Не так ли и Бетховен влюбился в свою ученицу Джульетту Гвичарди, которой впоследствии посвятил свою знаменитую «Лунную» сонату.., к слову, так случилось и с Листом, влюбившемся в свою ученицу Каролину). Новые чувства гармонично подходили к общему тону поэзии Жуковского. Мечты о счастье семейной жизни становятся любимыми мечтами молодого поэта, сказываются на творчестве и его темах. Но ведь Маша – его племянница, родственница. «Тесные связи родства усиливали чувство всею близостью родственной привязанности; в то же время эти самые связи делали любовь невозможной». Так признавался он сам, знающий христианские заповеди. Поэту приходилось скрывать любовь, – и она находила выход только в поэтических излияниях, ещё более увеличивая грустный тон его поэзии. Здесь и жалоба и тоска, и, конечно, обращение к Богу, к небесам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.